

84(2-411.2)6-4

К 78

СА-389562

МИР ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИСЛАВ
КРАПИВИН

★
Голубятня
на желтой поляне
★

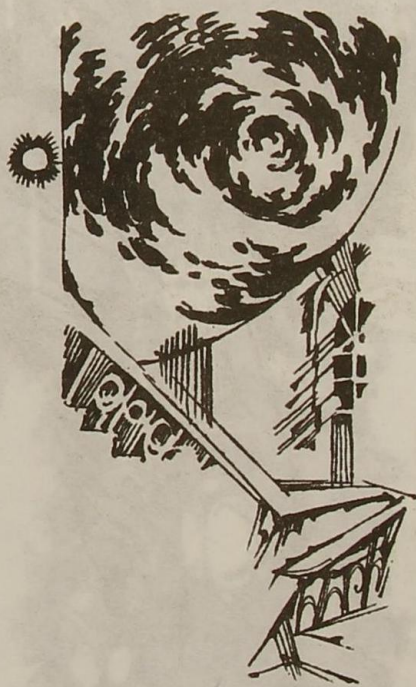
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

Голубятня на желтой поляне

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Государственное бюджетное
учреждение культуры

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

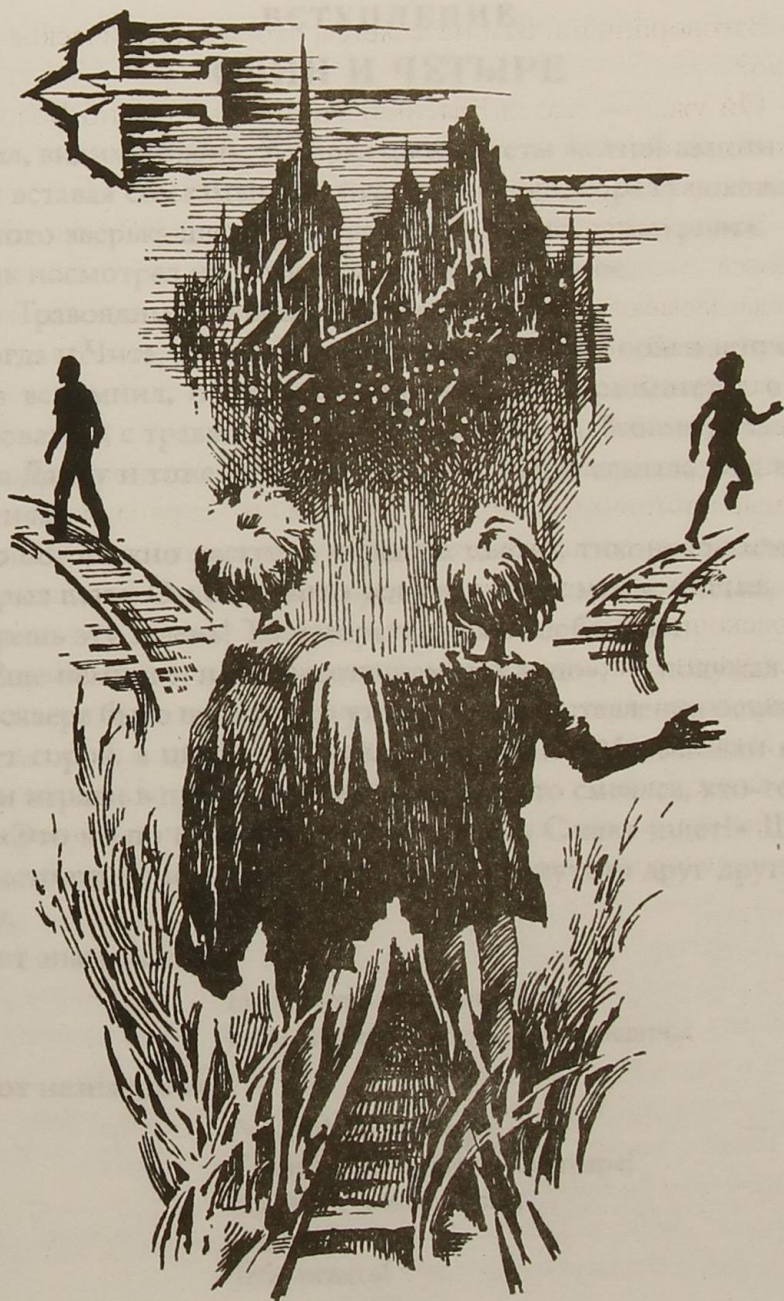
ca-389562

СОДЕРЖАНИЕ

В ночь большого прилива. <i>Трилогия</i>	5
Голубятня на желтой поляне. <i>Роман-трилогия</i>	149
Оранжевый портрет с крапинками. <i>Повесть</i>	553
Топот шахматных лошадок <i>Роман-хроника Институтских дворов</i>	693

Голубятня на желтой поляне

Роман-трилогия

ГОЛУБЯТНЯ В ОРЕХОВЕ

ВСТУПЛЕНИЕ ОДИН И ЧЕТЫРЕ

Был, видимо, июнь. У цирка цвели кусты желтой акации. Алька, не вставая со скамьи, дотянулся до ветки, сорвал похожий на ушастого зверька цветок, сунул в рот. Сладко зажмурился.

Тик посмотрел на Альку и сделал то же самое.

— Травоядные, — сказала Данка.

Тогда и Чита, не отрываясь от книги, добыл себе цветочек.

Яр вспомнил, отчетливо вспомнил, как всасывается в язык сладковатый, с травянистым запахом лета сок. Виновато посмотрел на Данку и тоже потянулся к ветке. Данка сделала вид, что не заметила.

Яр осторожно раскусил корешок цветка, тихонько засмеялся и закрыл глаза. Он отчетливо услышал голос мамы: «Яська, опять ты жуешь эту зелень! Ты превратишься в верблюда».

«Еще немного, и я вспомню мамино лицо», — подумал Яр.

В сквере было шумно. До утреннего представления оставалось минут сорок, в цирк пока никто не спешил. Мальчишки и девочки играли в прятки и догонялки. Кто-то смеялся, кто-то кричал: «Это не по правилам, пускай теперь Сашка ищет!» Щелкали пистонные пистолеты. Перебивали и путали друг друга считалки.

Вот знакомая:

На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич...

Вот незнакомая:

Раз-два! Три-четыре!
Синий слон живет в квартире!
На слоне лежит доска,
Раз-два-три —
Тебе искать!

Яр вспомнил, как он, зажмурившись и прижавшись лбом к забору, торопил приятелей: «Раз-два-три-четыре-пять: я иду искать! Кто не спрятался — я не виноват!» Та-та-та-та! — разлетался топот подошв. Разбегутся, притаятся. И тихо во дворе, как на пустой планете...

Не надо про планеты.

Надо сидеть и радоваться подарку судьбы. Лету. Вот этим голосам и смеху...

Кто-то радуется, а кто-то не очень. Вон курчавый пацаненок в клетчатом костюмчике поссорился с мальчишками. Они кричат:

— Не видишь, что ли, нас уже четверо!

— Ну и что? Никто же не узнает! — обиженно доказывает он.

— Ненормальный какой-то! Иди один, а то получишь!

Ребята убежали, а курчавый мальчишка надулся и так сердито сунул в кармашки кулаки, что весь его желто-синий костюмчик смялся и скособочился.

Яр пожалел мальчишку, как самого себя. Когда он был маленький, его, случалось, тоже не брали в компанию...

Алька забрался на спинку скамьи, балансировал на ней и рвал с куста цветки покрупнее.

— Сядь, — сказала Данка. — Свалишься и весь извозишься.

— Щас... — Алька прыгнул, зацепил Читу. — Ой...

— Обормот, — вздохнул Чита. И снова взялся за чтение.

— Правильно, обормот, — сказала Данка. — А ты, Вадик, тоже. Хотя бы сегодня обошелся без книжки... Такое дело, а ты...

— Я все понимаю. Одно другому не мешает.

— Что тебе говорила учительница? — поддел Читу Алька. — «Если бы ты, Вадик, глотал учебники, как глотаешь книжки, ты учился бы на одни четверки».

Чита перелистнул страницу.

— А почему не на пятерки? — спросил Яр.

Чита поднял голову и снял очки. Данка округлила глаза. Тик... в его карих глазах — Яр увидел ясно — метнулись непонятные тревога и радость. Алька подскочил и свалился в траву.

— Вот это да! Вот сказать бы ей: «Поставьте мне пять»!

— Ребята, вы не смейтесь, — растерянно сказал Яр. — Конечно, я могу что-то напутать... Вот когда мы учились...

Алька от смеха перекатился с травы на песок дорожки. Данка подняла его и бесцеремонно шлепнула.

— Ну что за чуело!

Из какого-то незаметного кармашка выдернула платочек, стала смахивать сухой песок с белой Алькиной рубашки — еще недавно чистой и отглаженной. А заодно — с волос, шеи, щек и ушей. Алька, чуть косолапя, перебирал исцарапанными ногами, фыркал, отворачивался и все время хихикал.

Потом успокоились, опять расселись на скамейке. После споров и смеха выпадают иногда такие тихие минутки. Данка, укоризненно вздыхая, сворачивала платок. Алька помусоленным пальцем стирал с колена прилипшие песчинки и заглядывал в книжку Читы. Тик молчаливо приткнулся к Яру. Яр обнял его за плечо, откинулся на спинку скамьи и разглядывал здание цирка.

Это был старый деревянный цирк. Поразительно знакомый. Над парадным входом подымались на дыбы громадные фанерные кони — черные с красными седлами. В стороне от них белозубо улыбалась фокусница София Марчес с пунцовой розой в смоляных волосах. И держала на ладони лилипута (София и лилипут тоже были фанерные).

Яр вспомнил, как он, восьмилетний, с замиранием ждал на представлении, когда же София вытащит из какой-нибудь вазы или коробки крошечного лилипутика и вот так поставит на ладонь. Но этого ни разу не случилось. Лилипуты, выступавшие в аттракционе Марчес, были не такие уж маленькие — ростом вот с этого «клетчатого» мальчика, который все еще стоял с кулаками в тесных кармашках.

Мальчик будто ощутил взгляд Яра, сердито обернулся, растопырил локти и зашагал через кусты к дальнему дощатому забору.

— А что за забором? — спросил Яр у Данки. — Городской сад?

Она кивнула. Алька вскочил:

— Конечно сад! Мы там в пиратов играем! Там по вечерам гулянья, а днем почти никого... Только там в гущине крапивы много.

Яр осторожно сказал:

— Мне кажется, там должен быть фонтан. Два мальчика с луком...

— Да, — быстро отозвался Тик. — Хочешь посмотреть? Это близко, там в заборе дыра...

Фонтан стоял посреди поляны, окруженной старыми березами. Это был круглый каменный бассейн. Посреди бассейна торчала сложенная из булыжников горка, а на ней темнели фигурки двух бронзовых мальчишек. Один, вытянувшись в струнку, поднял согнутый лук с нацеленной в зенит стрелой. Другой сидел у его ног и держал запасные стрелы. Оба смотрели вверх.

«Сколько лет они в этом саду... — подумал Яр. — Вечные ровесники всех мальчишек, которые здесь играли и будут играть... А там в последний раз их не было. И сада не было, и цирка...»

Фонтан работал в четверть силы. Из тонкой трубки-стрелы выбивалась небольшая струйка, и вода стекала по мальчишечьим рукам и плечам (на плечах лежали зеленые полоски медной окиси). На внутренней стороне бассейна выплевывали водяные жгутики озорные детские рожки, тоже отлитые из бронзы. В бассейне вода слегка рябила, но сквозь нее хорошо различалось бетонное дно. Яр заметил дрожащий блеск нескольких белых и желтых монеток.

— Ура, — деловито сказал Алька, — будет нам мороженое.

Дрыгнув ногами, он скинул растоптанные сандалеты и соскользнул с края бассейна в воду. Тик хотел пойти за ним, но Данка не пустила:

— Если будет мокрый, то пускай хотя бы один... И вообще, это неприлично — мелочь в воде собирать.

— Дана, не обрастай предрассудками, как классная дама, — возразил Чита. — Все собирают.

— И вовсе я не буду мокрый, — сказал Алька. Вода была ему чуть выше колен. — Ух и теплая...

Он стал бродить вокруг каменной горки. Иногда нагибался и, макая подвернутый выше локтя рукавчик, доставал добычу.

— Вон еще денежка! — командовал Тик.

— И вон! — показывал снятыми очками Чита.

Яр тоже не зевал:

— Алька, смотри! Рядом с ногой!

Даже Данка сперва увлеклась. Но скоро сказала:

— Хватит уже. В цирк опоздаем.

— Там еще много осталось, — с сожалением отозвался Алька. Но пошел к барьеру.

— Сюда каждый вечер монетки бросают, — объяснила Данка Яру, — потому что этот фонтан все любят. Он все нашествия пережил.

«Какие нашествия?» — хотел спросить Яр. Но тут приблизился Алька, пришлось его вытаскивать на сушу.

— Много? — спросил Тик.

Алька разжал кулачок. На ладони лежала кучка мокрых монеток — серебристых и медных. Яр взял одну желтую. Размером она была в точности как знакомые по давнему детству пятаки. И тоже рубчики по краям. Но изображение оказалось незнакомым: четырехугольная звезда, похожая на розу ветров. Яр перевернул монету — и поморщился от неожиданности: на другой стороне была цифра 4. В подтверждение ее по кругу шла надпись: «Четыре копейки. Размен. Знак».

Яр с непонятной досадой положил «обманный пятак» в Алькину ладошку. Потом рассердился на себя: расстраиваться из-за такой мелочи, как незнакомая монетка, просто глупо. После всего, что случилось!

Он поймал тревожный взгляд Тика: «Что-то не так?»

«Все в порядке», — улыбнулся Яр.

И Тик улыбнулся. Чуть виновато.

Они пошли к лазейке, ведущей в сквер, к цирку. Алька, гордый добычей, топал впереди. Яру показалось, что Алькина походка стала чуть больше «кавалерийской», чем раньше. И тут же Данка сказала:

— Ты почему хромаешь?

— Да так...

— Алька!

— Ну, там, кажется, стекло было...

— Вечно с тобой истории. — Данка опять достала платочек. — Дай сюда ногу, балда... Вот засоришь да схватишь какую-нибудь заразу...

— Ой, уже схватил... Р-р-р! У меня бешенство! — Алька запрыгал на одной ноге.

— Дурь у тебя... — Данка разорвала платок на ленты. Общими силами замотали порезанную Алькину ступню (он хихикал от щекотки). — Обувайся, радость ненаглядная. Да ступай осторожнее.

— «Осторожнее, осторожнее»... Нога, что ли, отвалится?

— Не ворчи и слушайся старших, — усмехнулся Чита.

— Это Дарья-то старшая? Ой-ой-ой! Вот это да!

— Тогда меня слушайся, — сказал Яр. — Я-то уж точно старше. Даже и не сосчитать, во сколько раз.

Не оглядываясь, Алька проговорил с ехидцей:

— Ну и что? Зато ты не настоящий, а придуманный.

— Алька! — со звоном сказал Тик.

Все остановились. Чита растерянно надел очки.

— Алька, ты что?.. — сказала Данка.

Алька быстро глянул на всех, отвернулся и засопел.

Тяжелая неловкость навалилась на всю компанию. Яр коротко вздохнул. Обижаться было глупо. Но все же на миг ему стало жаль себя. Так же, как жаль было курчавого мальчишку, которого недавно прогнали четверо приятелей...

Судя по всему, назревала ссора. Может быть, даже со слезами. В такой, казалось бы, дружной компании!

Чтобы все сделать шуткой, Яр крикнул, как рассерженный Дед Мороз, и пробасил:

— Тут где-то растет крапива, про которую ты говорил. Я вот сорву, а там посмотрим, придуманный я или нет.

Это прозвучало ненатурально и глупо. Данка отвела от Яра глаза и сказала Альке:

— Бессовестный. Извиняйся сейчас же.

Алька порозовел, опустил пшеничные ресницы. Сказал сипловато, но все же с чуть заметной игривой ноткой:

— Простите, пожалуйста, я исправлюсь.

— Бессовестный, — опять сказала Данка.

— Мы не опоздаем? — чересчур озабоченно спросил Тик.

Яр взглянул на часы:

— Двадцать минут до звонка. Пошли! Мы ведь хотели еще мороженого купить.

— В цирке за мороженым сейчас очередища, — возразила Данка. — А здесь, в саду, недалеко киоск есть. Вы идите и подождите меня у скамейки, я сбегаю. Алька, дай деньги.

Насупленный Алька вытряс из кармана монетки.

Тик переглянулся с Данкой.

— Я с тобой сбегаю! Тебе не унести столько порций. Сразу... пять...

— Я с вами, — сумрачно сказал Алька.

— Ты хромой.

Данка и Тик умчались. Алька секунду подумал и кинулся за ними...

Яр и Чита сели в сквере на прежнее место. Чита сию же минуту уткнулся в книгу. Яра это даже слегка разозлило. Но он постарался прогнать досаду и неясную тревогу. Вдохнул в себя лето

и стал смотреть, как втягивается в цирковые двери пестрая ребячья толпа.

Яра легонько тронули за плечо. Сзади стоял хмурый Алька. Он шагнул назад и поманил Яра за собой.

Они быстро отошли.

— Что, Алька? — с испугом спросил Яр.

Это был какой-то другой Алька. Без всякой смешинки в серо-зеленых своих глазах, будто похудевший и подростший..

— Что, Алька? Что случилось?

Тот шагнул к Яру вплотную, прочно взялся за его рубашку, уткнул ему под ребра запрокинутый подбородок. И, глядя снизу вверх, тихо спросил:

— Ты *очень* обиделся?

Яра накрыло теплой волной.

— Ну что ты, Алька, — одними губами сказал он.

— Нет, правду скажи.

И Яр сказал правду:

— Самую капельку. Но сейчас уже нисколько не обижаюсь. Честное слово.

Алька переглотнул. Еще острее уткнулся подбородком.

— Пожалуйста... Ну, пожалуйста-пожалуйста, извини меня. Ладно?

Яр улыбнулся, пятерней взъерошил Алькины нестриженные волосы. Несколько секунд Алька смотрел с жалобной тревогой. Потом тоже заулыбался, превращаясь в прежнего Альку. Яр подхватил его, невесомого, вскинул на вытянутых руках, закружил над собой. Алька радостно заверещал, дрыгая ногами и теряя сандалеты. Подбежали Данка и Тик. Подошел Чита.

— Я тоже так хочу, — сказал Тик.

Яр усадил босого Альку в траву, взметнул вверх Тика. Тик не стал верещать, упруго выгнулся, раскинул в стороны ноги, развел прямые руки (в каждой — стаканчик с мороженым).

— У нас такое упражнение называлось «мельница», — вращая Тика над головой, сказал Яр.

— А у нас — «штурвал»! — крикнул Тик.

И правда, его тонкие ноги и руки мелькали, как спицы в рулевом колесе парусного корабля из старинного фильма про пиратов.

Яр приземлил Тика и спросил у Данки:

— Тебя повертеть?

— Нет, я уже большая, — вздохнула она.

Предлагать «верчение» серьезному Чите Яр не решился. Но тот сказал ревниво:

— А меня?

— Ты, наверно, и там читать будешь?

— Не-а, — отозвался Чита с дурашливой, почти Алькиной интонацией. И отдал Альке очки (тот сразу их нацепил). А Яр уже не первый раз подумал вот о чем: обычно, если человек снимает очки, взгляд его делается беспомощным, а у Читы — у Вадика — глаза становились твердыми, как у стрелка из лука.

— Летим, — сказал Чита.

...А через пять минут они сидели в цирке. Лизали остатки тающего мороженого. Смотрели, как над желтой ареной зажигаются фонари. У выхода выстроились uniformисты в красных с золотом мундирах. Пахло опилками, конюшной, сухим лаком скамеек. Голоса и смех уносились под купол, где блестели никелем трапеции. Стоял такой знакомый «цирковой» гул. Все было, как раньше...

Когда раньше? Где?

«Этого не может быть!» — опять резанула Яра холодная мысль. Но тут же улетела. «Ну и пусть! — мысленно крикнул ей вслед Яр. — Это есть!»

Оркестранты на балконе гудели и пикикали вразнобой — пробовали свои скрипки и тромбоны. И вдруг замолчали. Вспыхнули еще фонари — яркие до синевы. Над оркестром на темном панно забегали, запереливались круглые цветные огни.

Яр подумал, что это похоже на щит корабельного компьютера. Конечно, когда корабль меняет режим. А если крейсер висит в субпространстве, то огни горят неподвижно...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГОСТЬ

1

Огни горели неподвижно. Могли они и совсем не гореть. Свечение лампочек на пульте было лишь традицией. По крайней мере, когда крейсер зависал в субпространстве перед дальним

«прыжком». Вахта в это время тоже была не нужна. Если кто-то и дежурил, то опять же отдавая дань традиции или бессоннице.

Капитан Виктор Сайский бессонницей не страдал, а традиций не одобрял, так как они уставом СКДР не оговаривались. Но с другой стороны, они не были и нарушением. Поэтому Сайский лишь досадливо помолчал, когда Ярослав сообщил, что не пойдет спать и останется у пульта.

Ярослав был старше всех в экипаже, старше даже астронавигатора Олега Борисовича Кошки, хотя тот уже выглядел пенсионером. У Сайского могли возникнуть подозрения, что разведчик Ярослав Родин просто не доверяет автоматике крейсера, а заодно и капитану, который эту автоматику сам отлаживал и проверял. До последней ячейки! Но высказывать подозрения и вступать в спор капитан не мог. Помолчав, он только спросил:

— Ну... а что же вы собираетесь делать в течение сорока часов? Если не секрет.

— Не секрет, — без улыбки сказал Ярослав. — Буду сидеть. Вспоминать...

Он говорил правду. Часы молчания, когда крейсер повисал вне привычных измерений и понятий, когда он по земным представлениям просто не существовал и ничего, *абсолютно ничего* не могло случиться, Ярослав любил. Любил тишину и домашнее тиканье пружинного будильника «Янтарь». Будильник неторопливо отмерял локальное время.

Ярослав сидел и вспоминал. Собственно, это было главное, что оставалось у него. От поиска Яр ничего не ждал. Скорее всего, опять будут пустые ненужные планеты: каменные глыбы, сожженные жестким излучением, или жидкие шары в оболочках метановых и аммиачных атмосфер. Они годятся для диссертаций, а для жизни бесполезны.

А если и будет жизнь — вроде микробов и горного мха на Виктории или тех безобидных песчаных тварей на АЦ-1, — ну и что?

Вероятность найти цивилизацию, с которой можно общаться, равна ноль целых, ноль, ноль, ноль, ноль... Найти остатки такой цивилизации легче. По крайней мере, на Леде нашли. И тысячи умов кинулись разгадывать: кто были существа, построившие посреди каменистой равнины громадный арочный мост? Что означают мозаичные фигуры на поле, частично изрытом ударами метеоритов? Кто-то уверял, что нашел разгадку. Была даже написана